

Метод «Джакарта»

Антикоммунистический
террор США,
изменивший мир

Винсент
Бевинс

Винсент Бевинс

**Метод «Джакарта».
Антикоммунистический
террор США, изменивший мир**

«Альпина Диджитал»

2020

Бевинс В.

Метод «Джакарта». Антикоммунистический террор США,
изменивший мир / В. Бевинс — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-91-671386-2

Американский журналист Винсент Бевинс обнаружил, что между 1945 и 1990 годами США тайно поощряли программы массовых убийств коммунистов, диссидентов и невооруженных гражданских лиц и что только благодаря чудовищным репрессиям им удалось скорректировать в выгодную для себя сторону вектор политического развития сразу на нескольких континентах. Забытые даже местным населением события в Индонезии, когда политики и спецслужбы иностранной державы сознательно обучили своих союзников государственному террору, – ключ к пониманию и модель процесса, который позволил США выиграть холодную войну и создать американоцентричный мир. Полная историй конкретных людей и конкретных семей книга «Метод "Джакарта"» – документальное и убедительное объяснение того, какими средствами, какой кровью и при помощи какой ошеломляющей фальсификации исторической памяти целых народов победила общепринятая сейчас картина мира. Горькая правда Бевинса состоит не в том, что «Джакарта» случилась и больше никогда не повторится, но в том, что именно «Джакарта» сформировала наш мир и снова грянет: раз Америка действовала подобным образом, то и всем остальным тоже все дозволено. Круг насилия замкнулся, и разорвать его может лишь осознание подлинной истории. Для кого Для тех, кого интересует не только история победителей XX века, но и горький опыт проигравших – в тех областях, которые почему-то считаются второстепенными.

ISBN 978-5-91-671386-2

© Бевинс В., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Предисловие	8
1	13
Три мира	15
Реальный антикоммунизм	18
Мировой маккартизм	22
Джакартская аксиома	24
Улыбающийся Джонс и «банда чокнутых» Виснера	27
2	31
Новая жизнь Франциски	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33
Комментарии	

Винсент Бевинс

Метод «Джакарта».

Антикоммунистический

террор США, изменивший мир

Переводчик *Наталья Колпакова*

Научный редактор *Александр Воеводский, канд. ист. наук*

Редактор *Лев Данилкин*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *О. Петрова, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Фото на обложке Martinus Rimo

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Vincent Bevins, 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Винсент Бевинс

Метод «Джакарта»

**Антикоммунистический
террор США,
изменивший мир**

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2023

Посвящается Бу Чиске и Пак Хон Лан Ояй

Предисловие

В мае 1962 г. маленькая девочка по имени Инь Джиок Тан поднялась на борт ржавой старой посуды в индонезийской Джакарте. Ее страна, одна из крупнейших в мире, была втянута в глобальную битву между капитализмом и коммунизмом, и ее родители договорились бежать от ужасных для обычных людей последствий этого конфликта. Они решили направиться в Бразилию, прослышав от других индонезийцев, уже проделавших этот путь, что там можно обрести свободу, шанс на лучшую жизнь и передышку от конфликтов. Однако они почти ничего не знали об этой стране. Бразилия была для них всего лишь идеей – почти мечтой. На протяжении 45 дней терзаемые тревогой и морской болезнью они миновали Сингапур, прошли через Индийский океан до Маврикия, спустились вдоль берегов Мозамбика, обогнули Южную Африку, а затем пересекли Атлантику и прибыли в Сан-Паулу, крупнейший город Южной Америки.

Если они рассчитывали спастись от насилия холодной войны, то трагическим образом ошиблись. За два года до их прибытия военные свергли молодую бразильскую демократию и утвердили жестокую диктатуру. Затем новоиспеченные индонезийские иммигранты в Бразилии стали получать с родины послания, в которых описывались самые ужасающие картины, какие только можно себе представить: вспышка насилия, настолько жуткого, что сама мысль о нем могла бы сломать человека и повредить его рассудок. Все невообразимое, о чем им рассказывали, оказалось правдой. Из этой апокалиптической бойни родилось заваленное изуродованными трупами новое индонезийское государство – один из самых верных союзников США, чтобы затем практически исчезнуть с исторического горизонта. То, что произошло в Бразилии в 1964 г. и в Индонезии в 1965 г., возможно, самые важные победы, одержанные в холодной войне той из сторон, что в конце концов вышла из нее триумфатором, – Соединенными Штатами и действующей в настоящее время мировой экономической системой. Более того, эти события относятся к числу самых важных в том процессе, который, в сущности, предопределил жизнь практически каждого человека. Обе страны были независимыми, занимая промежуточное положение между мировыми капиталистическими и коммунистическими сверхдержавами, но в середине 1960-х гг. однозначно оказались в лагере США.

Официальные лица из Вашингтона и нью-йоркские журналисты, безусловно, понимали в то время, какую важность представляют эти события. Они знали, что Индонезия, ныне четвертая по численности населения страна в мире, – намного более ценный приз, чем тот же Вьетнам^[1]. Всего за несколько месяцев внешнеполитическое ведомство США достигло здесь того, чего не смогло добиться за десять кровавых лет войны в Индокитае.

Диктатура в Бразилии, в настоящее время пятой по численности населения стране, сыграла определяющую роль в подталкивании остальных государств Южной Америки в группу поддержки Вашингтона и в сторону антикоммунизма. Советский Союз практически не участвовал в том, что происходило в обеих этих странах.

Самым шокирующим и самым главным для этой книги является то обстоятельство, что события в Бразилии и Индонезии привели к созданию чудовищной международной сети истребления – систематическим массовым убийствам гражданских лиц, охватившим большое число стран, что сыграло важнейшую роль в построении мира, в котором мы сегодня живем.

Если человек сам не живет в Индонезии или не изучает ее профессионально, то, скорее всего, очень мало знает о ней – и почти ничего не знает о том, что произошло в этом государстве-архипелаге в 1965–1966 гг. Индонезия остается огромным провалом в коллективном знании даже среди людей, осведомленных о Карибском кризисе, войне в Корее или Пол Поте либо способных с легкостью перечислить основные факты о самой населенной в мире стране (Китай), второй по населенности (Индия) или даже шестой и седьмой из этого списка

(Пакистан и Нигерия). Даже в среде журналистов-международников лишь немногие знают, что Индонезия – крупнейшая в мире страна с мусульманским большинством, не говоря уже о том, что в 1965 г. там действовала самая многочисленная в мире коммунистическая партия за пределами Советского Союза и Китая.

Правда о насилии 1965–1966 гг. десятилетиями оставалась скрытой. Диктатура, установившаяся после него, лгала миру, а выжившие жертвы были брошены в тюрьму или слишком запуганы, чтобы говорить. Лишь в результате усилий героических индонезийских активистов и самоотверженных ученых всего мира мы можем теперь рассказать эту историю. Серьезным подспорьем стали документы, недавно рассекреченные в Вашингтоне, хотя многое из того, что произошло, по-прежнему окутано тайной.

Скорее всего, Индонезия исчезла из мировой политики потому, что события 1965–1966 гг. обернулись для Вашингтона настоящим триумфом. Не погиб ни один американский солдат, ни один человек в самих США не подвергся опасности. Хотя индонезийские лидеры в 1950-х и 1960-х гг. играли колоссальную роль на международной арене, после 1966 г. от ее былой роли страны – возмутительницы спокойствия не осталось ровным счетом ничего. Тринадцать лет работы в качестве международного корреспондента и журналиста научили меня, что дальние страны, стабильно и надежно занимающие проамериканскую позицию, источниками сенсаций не становятся. Изучив документы и посвятив много времени общению с людьми, пережившими те события, лично я пришел к другой, вызывающей глубокое беспокойство теории, объясняющей, почему эти эпизоды были забыты. Боюсь, что правда о случившемся настолько противоречит нашему представлению о том, чем являлась холодная война, что значит быть американцем или как именно происходила глобализация, что проще оказалось ее проигнорировать.

Эта книга адресована тем, кто не имеет специальных знаний об Индонезии, Бразилии, Чили, Гватемале или холодной войне, хотя я надеюсь, что мои интервью, исследования архивных документов и глобальный подход позволили мне сделать ряд открытий, которые могли бы заинтересовать и специалистов. Больше всего я надеюсь на то, что эта история дойдет до людей, желающих узнать, насколько непосредственно формировали нашу сегодняшнюю жизнь насилие и война с коммунизмом, где бы они ни осуществлялись – в Рио-де-Жанейро, на Бали, в Нью-Йорке или Лагосе.

Два события моей собственной жизни убедили меня, что произошедшее в середине 1960-х гг. в огромной мере продолжает влиять на нас – можно сказать, его призрак по-прежнему бродит по миру.

В 2016 г., шестой и последний год работая корреспондентом *Los Angeles Times* в Бразилии, я очутился в кулуарах бразильского Национального конгресса. Законотворцы четвертой по размерам демократии в мире готовились голосовать по вопросу об импичменте Дилме Русеф, бывшей участнице левого партизанского движения и первой женщине-президенту в истории страны. В одном из коридоров я углядел не особо значительного, однако неизменно разговорчивого правого конгрессмена по имени Жаир Болсонару и подошел к нему, чтобы взять у него короткое интервью. К тому времени было широко известно, что политические соперники пытаются сбросить президента Русеф по формальным причинам и что организаторы ее отстранения от должности повинны в гораздо большей коррупции, чем она сама^[2]. Поскольку я был иностранным журналистом, то спросил Болсонару, не опасается ли он, что международное сообщество усомнится в легитимности более консервативного правительства, которое должно было ее заменить, да еще с учетом того, что сама процедура лишения власти законного президента вызвала много вопросов. Его ответы показались мне настолько не соответствующими общепринятым правилам политического хорошего тона, настолько бесцеремонным возрождением духа холодной войны, что я даже не стал включать их в интервью.

А сказал он мне вот что: «Мир восславит то, что мы делаем сегодня, потому что мы не допускаем превращения Бразилии в еще одну Северную Корею». Абсурд в чистом виде. Русеф была левоцентристским лидером, и ее правительство можно было упрекнуть разве что в чрезмерном дружелюбии к гигантским корпорациям.

Прошло совсем немного времени, и Болсонару вышел к микрофону в зале Конгресса, чтобы сделать заявление, потрясшее страну: свой голос за импичмент он посвящает Карлосу Альберто Брильянте Устре – человеку, под руководством которого, в бытность его полковником, пытали Русеф во времена бразильской диктатуры. Это была откровенная провокация, попытка реабилитировать антикоммунистический правящий режим страны и стать национальным символом крайне правой оппозиции всему, чему только можно^[3].

Когда я брал у Русеф интервью несколько недель спустя – она ждала итогового голосования, в результате которого оказалась отстранена от должности, – наш разговор неизбежно обратился к роли Соединенных Штатов в делах Бразилии. Вспоминая о множестве случаев и способов вмешательства Вашингтона с целью свержения правительств в Южной Америке, многие ее сторонники задумывались, не стоит ли ЦРУ и за этим. Сама она такую версию отрицала, объясняя случившееся результатами внутренних процессов в Бразилии^[4]. В определенном смысле, однако, так было еще хуже: диктатура в Бразилии трансформировалась в разновидность демократии, способной самостоятельно избавиться от любого вроде Русеф или Лулы, кого экономические или политические элиты считали угрозой своим интересам, и вызвать демонов холодной войны, чтобы за них воевать, когда им только заблагорассудится.

Теперь мы знаем, насколько успешным оказался гамбит Болсонару. Два года спустя, когда он был избран на пост президента, я находился в Рио. Разногласия сразу же вылились на улицы. Крупные крепкие мужчины орали в адрес татуированных женщин со значками в поддержку соперничавшего кандидата: «Коммунисты! Убирайтесь! Коммунисты! Убирайтесь!»

В 2017 г. я двигался в направлении, диаметрально противоположном тому, которым перемещались Инь Джиок Тан и ее семья много лет назад. Я перебирался из Сан-Паулу в Джакарту, чтобы освещать события в Юго-восточной Азии для *The Washington Post*. Через несколько месяцев после моего прибытия группа ученых и активистов хотела провести небольшую конференцию для обсуждения событий 1965 г., но кто-то принялся распространять в социальных сетях обвинение, будто на самом деле это было собрание с целью возрождения коммунизма – по-прежнему, пятьдесят лет спустя, запрещенного в этой стране, – и в вечер мероприятия толпа направилась к месту его проведения – вскоре после того, как сам я ушел оттуда. Группы, состоявшие по большей части из мужчин-мусульман, теперь нередко участвующих в агрессивных демонстрациях на улицах Джакарты, окружили здание и заперли всех, кто был внутри. Моя молодая соседка Никен, профсоюзный организатор из центральной части Явы, провела в осаде всю ночь, в течение которой толпа колотила в стены, скандируя: «Раздавим коммунистов!» и «Сожжем их заживо!». Перепуганная, она посылала мне сообщения с просьбами привлечь к происходящему внимание общественности, что я и сделал через «Твиттер». Довольно скоро мне стали поступать угрозы и обвинения в том, что я коммунист и чуть ли не член несуществующей индонезийской коммунистической партии. Я привык получать точно такие же сообщения в Южной Америке. Сходство было неслучайным. Истоки паранойи и там и там можно проследить вплоть до травматичного разрыва в середине 1960-х гг.

Лишь начав работать над этой книгой, беседовать со специалистами, свидетелями и выжившими, я понял, что значение этих двух исторических событий намного больше того факта, что свирепый антикоммунизм до сих пор существует в Бразилии, Индонезии и многих других странах, и что холодная война создала мир правящих режимов, воспринимающих любую социальную реформу как угрозу. Я пришел к выводу, что весь мир – и особенно страны

Азии, Африки и Латинской Америки, мимо которых проплыла Инь Джоок вместе со своей семьей, – был преобразован волнами, исторгнутыми из Бразилии и Индонезии в 1964 и 1965 гг.

Я чувствовал огромное моральное обязательство изучить эту историю и изложить ее максимально точно. В каком-то смысле это кульминация десяти с лишним лет моей работы, но именно ради этой книги я посетил 12 стран и проинтервьюировал больше сотни человек на испанском, португальском, английском и индонезийском языках. Я рылся в архивных документах на всех этих языках, разговаривал с историками по всему миру и работал с ассистентами-исследователями из пяти стран. У меня было немного ресурсов для написания этой книги, но я вложил в нее все, чем обладал.

Насилие, захлестнувшее Бразилию, Индонезию и еще 21 страну мира, не было случайным или второстепенным по отношению к основным событиям мировой истории. Смерти не были «хладнокровными и бессмысленными» – или всего лишь трагическими ошибками, которые все равно ничего не изменили^[5]. Наоборот! Насилие оказалось эффективным базовым элементом более общего процесса. В отсутствие полной картины холодной войны и целей США во всем мире эти события кажутся невероятными, непостижимыми или крайне сложными для осмысления.

Прекрасный фильм «Акт убийства» (The Act of Killing, 2012) Джошуа Оппенхаймера и его продолжение, «Взгляд тишины» (The Look of Silence, 2014), открыли черный ящик, куда были заключены события 1965 г. в Индонезии, и заставили людей в нашей стране и за рубежом заглянуть в него. Оппенхаймер в своей работе мастерски использует принцип экстремального приближения. Я намеренно избрал противоположный подход, увеличив поле зрения до всемирного охвата, – и это не что иное, как попытка дополнить картину, созданную им. Я надеюсь, что зрители этих фильмов прочтут мою книгу, чтобы поместить их в более широкий контекст, а читатели посмотрят фильмы после того, как закроют книгу. Я также имею небольшой личный долг перед Джошуа за его руководство моими начальными изысканиями, но намного больше я обязан индонезийцам и другим историкам, особенно Баскара Вардае, Фебриане Фирдаус и Брэдли Симпсону.

На мой взгляд, чтобы в полной мере рассказать историю тех событий и описать их последствия, а именно всемирную сеть уничтожения, которую они породили, нужно попытаться изложить более общую историю холодной войны. Очень часто забывают, что яростный антикоммунизм был мировой силой и что его сторонники преодолевали границы, обучаясь на успехах и провалах повсюду по мере того, как их движение набирало ход и одерживало победы. Для понимания случившегося нам нужно понять природу этих международных партнерств.

Это также история ряда людей, как американцев, так и индонезийцев или латиноамериканцев, переживших эти события, которые в огромной степени изменили их жизнь. Выбранная мной точка зрения и установленные связи, возможно, до известной степени были предопределены людьми, с которыми мне посчастливилось познакомиться, а также моей собственной предысторией и знанием языков. Однако, на мой взгляд, их история в той же мере является историей холодной войны, что и любая другая, и, безусловно, в большей мере, чем любая история холодной войны, сфокусированная в первую очередь на белых жителях Соединенных Штатов и Европы^[6].

История, которую я здесь рассказываю, основывается на рассекреченной информации, консенсусе, достигнутом самыми осведомленными историками, и убедительных свидетельствах очевидцев. В значительной степени я полагаюсь на интервью, которые лично взял у выживших. Разумеется, я не имел возможности проверить все до единого их сообщения о своей жизни, в частности что именно они испытывали, во что были одеты или какого числа арестованы. Однако ни одна из деталей, включенных мной в книгу, не противоречит установленным фактам более общей истории, которые специалисты уже поведали. Я убедился, что рассказать ее максимально точно, следуя свидетельствам и с уважением к тем, кто все это пере-

жил, возможно лишь при соблюдении определенных условий. Во-первых, история носит подлинно всемирный характер: все жизни на Земле считаются равноценными и никакие страны или действующие силы не рассматриваются априори как хорошие или плохие. Во-вторых, все мы слышали мудрость, что «историю пишут победители». К сожалению, обычно так оно и есть. Однако данная история противоречит этой тенденции: многие из ее центральных фигур относились к числу величайших неудачников XX столетия, – и мы не должны бояться того, что факты из их жизни противоречат общепринятым представлениям о холодной войне в англоязычном мире, пусть даже эти противоречия могут показаться победителям очень неприятными. Наконец, я совершенно отказываюсь от каких-либо домыслов и сопротивляюсь любому побуждению самостоятельно догадаться о том, что покрыто мраком тайны. Приходится признать, что многое в случившемся нам до сих пор не известно.

Таким образом, эта книга не опирается на гипотезы. Когда мы с коллегами натыкались на то, что казалось невероятными совпадениями – пожалуй, слишком невероятными, или на связи, которые мы не могли объяснить, то делали паузу в работе и обсуждали их, вместо того чтобы строить теории об их причинах.

И кое-какие закономерности нам, безусловно, удалось нащупать.

1

Новая эпоха господства Америки

Соединенные Штаты Америки, колония поселенцев из Западной Европы в Северной Америке, вышли из Второй мировой войны самым могущественным государством на планете. Это стало неожиданностью – и для большинства американцев, и для большей части мира.

США были молодым государством. Всего сто лет прошло с тех пор, как правительство, созданное в бывших британских колониях, завершило процесс включения в новую страну бывших французских и испанских территорий, в результате ее лидеры получили господство над огромной срединной полосой Северо-Американского континента. Для сравнения: европейские правители покоряли заморские территории на протяжении почти пяти веков. Их корабли плавали по всему миру и делили его, к вящей славе своих держав.

Называя Соединенные Штаты колонией поселенцев, мы подразумеваем, что процесс захвата этих земель белыми европейцами на протяжении нескольких столетий отличался от того, как завоевывалось большинство стран в Африке и Азии. Белые поселенцы прибыли сюда, чтобы остаться навсегда, и коренное население было заведомо исключено из нации, которую те создали. Чтобы могла сформироваться новая страна, белая и христианская, аборигены должны были убраться прочь с дороги. Всем американцам еще в школе объясняют, что мощный религиозный фанатизм был важным фактором в процессе основания Соединенных Штатов. Пуритане, группа глубоко религиозных английских христиан, пересекли Атлантику не для того, чтобы работать на Англию. Они искали такое место, где можно будет построить более чистое, более строгое, пропитанное кальвинистским духом общество, чем у себя на родине. Можно сказать, они жаждали религиозной свободы, но, выражаясь иначе, стремились к созданию еще более однородного, фундаменталистского и теократического общества, чем то, что существовало в Европе XVII в.^[7]

В конце 1700-х гг. лидеры британских колоний в ходе революционной войны изгнали монархическую власть и создали поразительно эффективную систему самоуправления, существующую в слегка измененном виде по сей день. На мировой арене новая страна стала символом и воплощением революционных, демократических идеалов. Внутренняя ситуация, однако, была значительно менее однозначной. Соединенные Штаты оставались обществом безжалостного белого супремасизма. И поскольку коренное население априори исключалось из процесса государственного строительства, следствием стал геноцид.

На всем Американском континенте, от Канады до Аргентины, европейская колонизация уничтожила от 50 до 70 млн аборигенов – около 90 % коренного населения. Недавно ученые пришли к выводу, что истребление это было настолько массовым, что изменило температуру на планете^[8]. В новорожденных Соединенных Штатах Америки искоренение местных племен продолжалось еще долго после провозглашения независимости от власти Британии. Граждане США продолжали покупать, продавать, избивать, мучить и держать в собственности людей африканского происхождения вплоть до середины XIX в. Женщины получили общенациональное право голоса лишь в 1920 г. И если последние хотя бы могли воспользоваться им на практике, то темнокожих американцев, у которых тоже, теоретически, было избирательное право, к голосованию не допускали – посредством расистских кампаний террора и с помощью законов, отсекавших их от возможности реализовать гражданские права. На момент вступления во Вторую мировую войну Соединенные Штаты представляли собой то, что сегодня мы сочли бы обществом апартеида^[9].

В той войне, однако, на передний план выдвинулись лучшие стороны американского характера. Поначалу это было вовсе не очевидно. В 1930-х гг. некоторые американцы даже сим-

патизировали нацистам – сверхмилитаризованной, осуществлявшей политику геноцида и гордящейся своим расизмом авторитарной правящей партии Германии. В 1941 г. сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн заявил: «Если мы увидим, что Германия побеждает в войне, то должны будем помочь России; если увидим, что побеждает Россия, должны будем помочь Германии, и пусть они уничтожают себе друг друга»^[10]. Однако, когда США все-таки вступили в войну в союзе с британцами, французами и русскими против немцев и японцев, их войска сражались за освобождение заключенных из лагерей смерти и спасли ограниченные демократии Западной Европы от тирании. На фронте трагически погибли 500 000 человек, но те американские парни, что вернулись с войны, испытывали чувство обоснованной гордости за свои поступки: их поколение бросило вызов насквозь порочной системе, встало на защиту ценностей, на которых была построена их страна, и одержало победу.

Окончание Второй мировой войны стало началом нового мирового порядка. Европа была ослаблена, мир расколот на части.

Три мира

Второе сильнейшее в мире государство в 1945 г., Советский Союз, тоже вышло из войны победителем. И Советы тоже испытывали огромную гордость, но победа стоила им огромных жертв. Адольф Гитлер, лидер нацистской партии, ненавидевший их левую идеологию, безжалостно вторгся на территорию СССР. Прежде чем Советский Союз наконец-то отбросил немцев назад – в Сталинграде в 1943 г., что и стало, по всей видимости, поворотным моментом войны, за год до высадки американцев в Европе, – он понес катастрофические потери. К моменту, когда Красная армия в 1945 г. дошла до Берлина, оккупировав при этом значительную часть Центральной и Восточной Европы, погибло по меньшей мере 27 млн советских граждан^[11]. Советский Союз был еще более молодой страной, чем Соединенные Штаты. Его создала в 1917 г. немногочисленная группа радикальных мыслителей, вдохновлявшихся учением немецкого философа Карла Маркса. Это произошло после того, как революция свергла обветшалую российскую монархию, правившую империей, которая была населена по большей части нищими крестьянами и считалась отсталой по сравнению с развитыми капиталистическими странами Западной Европы, где, как полагал Маркс – и Владимир Ленин, первый советский лидер, – в действительности должна была начаться мировая социалистическая революция. Втянутые в гражданскую войну, длившуюся с 1918 по 1920 г., революционеры-большевики применяли, как они сами выражались, «террор», чтобы сокрушить силы белых – рыхлой коалиции консерваторов, русских националистов и антикоммунистов, также практиковавших массовые убийства. После смерти Ленина, в 1924 г., его безжалостный преемник Иосиф Сталин подверг крестьянский класс насильственной коллективизации, создал экономику на основе центрального планирования и решал проблему реальных и мнимых врагов с помощью арестов и смертных приговоров. В результате массовых репрессий в 1930-х гг. погибло несколько миллионов человек, в том числе целая когорта первых архитекторов революции, а сам Сталин тем временем подгонял идеологию международного коммунистического движения под свои политические нужды. Однако худшие стороны того, что происходило в стране, по большей части оставались тайной. Быстрая же индустриализация Советского Союза и последующий разгром нацистов – как и тот факт, что зачастую именно коммунисты оказывались первыми и наиболее энергичными в мире борцами и с фашизмом, и с колониализмом, – принесли стране в 1945 г. высокий престиж на мировой арене^[12].

Советы стали второй в мире супердержавой, но были намного слабее Соединенных Штатов во всех значимых отношениях. К концу 1940-х гг. на США приходилась как минимум половина мирового товарного производства. К 1950-м гг. экономика США, видимо, равнялась совокупной экономике всей Европы и Советского Союза^[13]. Что касается военной силы, население СССР понесло огромные потери, и особенно они затронули тех, кого можно было мобилизовать для участия в новой войне. Сотни тысяч советских женщин бесстрашно сражались с нацистами, однако к 1945 г. сложился гендерный дисбаланс, по которому можно понять масштабы катастрофы: на каждые десять женщин в возрасте от 20 до 29 лет приходилось лишь семь мужчин^[14]. США обладали превосходящей военной силой и, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, продемонстрировали, какой апокалиптический ущерб способны причинить с воздуха.

Этот расклад мы и имеем в виду, говоря о «первом мире» и «втором мире» в годы после 1945-го. Первый мир состоял из богатых стран Северной Америки и Западной Европы, Австралии и Японии – все они разбогатели на колониализме. Их ведущая сила, Соединенные Штаты, поздно включилась в эту игру, во всяком случае за пределами Северной Америки, зато играла по-крупному. Молодые Соединенные Штаты получили контроль над Луизианой, Флоридой, Техасом и юго-западом континента посредством войн или угроз нападения^[15]. Затем Вашинг-

тон захватил Гавайи, после того как группа бизнесменов свергла в 1893 г. королеву Лилиуокалани, и взял под контроль Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины в Испано-американской войне 1898 г. Филиппины, вторая по величине страна Юго-Восточной Азии, до 1945 г. оставались официальной колонией США, тогда как Куба перешла в неформальную сферу влияния США в Центральной Америке и Карибском бассейне (куда морская пехота США к 1920 г. вторгалась не менее 20 раз – ошеломляющая цифра!), а Пуэрто-Рико по сей день пребывает в имперском правовом вакууме^[16].

Вторым миром были Советский Союз и территории Европы, где разбила лагерь Красная армия. С момента своего основания СССР публично поддерживал всемирную борьбу с колониализмом и не осуществлял заморских империалистических инициатив, однако мир пристально следил за тем, как именно Москва станет реализовывать свое влияние в оккупированных странах Центральной и Восточной Европы.

Был и «третий мир» – все остальные, огромное большинство мирового населения. Этот термин появился в начале 1950-х гг. и первоначально имел только положительные коннотации. Лидеры новых национальных государств, подхватив это определение, произносили его с гордостью; в нем слышалась мечта о лучшем будущем, где угнетенные и поработанные массы возьмут свою судьбу в собственные руки. Термин использовался в том же смысле, что и понятие «третье сословие» во Французской революции, обозначавшее восставший простой народ, который свергнет первое и второе сословия – дворянство и духовенство. «Третий» не означало третьесортный – скорее, речь шла о третьем, финальном акте: сначала первая группа богатых белых стран попробовала свои силы в создании мира, затем вторая, и вот появляется новое движение, полное энергии и возможностей, готовое показать, на что оно способно. Для большей части планеты третий мир был не просто категорией, он был движением^[17].

В 1950 г. в третьем мире проживало более двух третей мирового населения, за немногими исключениями – под властью европейского колониализма^[18]. Части этих стран удалось освободиться от империалистического господства в XIX в., другие обрели независимость с уходом фашистских сил в конце Второй мировой войны, третьи попытались сделать это в 1945 г., однако подверглись вторичной оккупации армиями стран первого мира, а для многих война почти ничего не изменила, и они по-прежнему оставались несвободными. Все они унаследовали экономику, намного более бедную, чем в первом мире. После столетий рабства и жестокой эксплуатации они должны были сами о себе позаботиться и выбрать собственный путь к независимости и процветанию.

Согласно простой версии продолжения этой истории, только что обретшие независимость страны третьего мира должны были отбить империалистические контратаки, а затем решить, следовать ли им капиталистической модели, которой отдавали предпочтение Соединенные Штаты и Западная Европа, или попробовать построить социализм и пойти за Советским Союзом в надежде выбраться из нищеты и занять позицию важного мирового игрока так же стремительно, как русские. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее, чем в теории. Так или иначе, в 1945 г. еще можно было сохранять иллюзию, что они смогут поддерживать дружеские отношения и с Вашингтоном, и с Москвой.

Вьетнамец по имени Хо Ши Мин, прежде работавший ретушером фотографий в Париже и пекарем в Соединенных Штатах, принял революционный марксизм после того, как проклял капиталистические силы Запада за отказ признать суверенитет Вьетнама на мирной конференции в Версале после Первой мировой войны^[19]. Он стал агентом Коммунистического интернационала, прежде чем возглавить Вьетминь – движение сопротивления японской оккупации в 1940-х гг. Однако, прибыв на площадь Ба Динь в центре Ханоя после двух ядерных ударов США по Японии, чтобы провозгласить 2 сентября 1945 г. независимость страны, он начал свою речь следующими словами: «Все люди созданы одинаковыми. Они наделены своим Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди них право на жизнь, свободу и стремление

к счастью". Это бессмертное заявление было сделано в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки в 1776 г. В более широком смысле оно означает: все люди на земле равны от рождения, все люди имеют право жить, быть счастливыми и свободными»^[20]. Хо Ши Мин прославлял завещанные отцами-основателями Соединенных Штатов революционные идеалы, в которые лидеры США до сих пор глубоко верят, и пытался сказать миру, что вьетнамцы просто хотят того же, чего и остальные люди, а именно – права управлять собой самостоятельно. Он также пытался выжить в отчаянной ситуации. Французская колониальная армия вернулась, чтобы закрепить власть белых людей над Индокитаем, и Хо Ши Мин знал: последнее, что ему нужно, – это чтобы его движение за независимость захотела сокрушить еще и самая могущественная страна в истории человечества. Он обращался напрямую к декларируемым ценностям американского народа – так, как это делали в то время многие левые третьего мира.

В конце концов, Соединенные Штаты были союзником Советского Союза в борьбе с Гитлером. Только вот для облеченных властью людей в столице США ситуация виделась уже совсем в ином свете.

На самом деле крестовый поход Вашингтона против коммунистов начался задолго до Второй мировой войны. Сразу после революции 1917 г. в России президент Вудро Вильсон решил присоединиться к другим империалистическим силам, намереваясь помочь белым, пытавшимся отобрать власть у революционеров-большевиков. На то было две причины. Первая и главная – основы американской идеологии представляют собой полную противоположность коммунизму^[21]. В них делается сильный упор на индивидуальное, а не коллективное и на идею свободы, прочно связанную с правом собственности. В конце концов, именно на этом основывалась возможность обладать гражданскими правами в ранней Американской республике: только белые мужчины, владеющие собственностью, имели право голоса. Вторая – Москва позиционировала себя как геополитического и идеологического противника, предлагала альтернативный путь, пройдя которым, бедные люди могли осуществить модернизацию, не повторяя американский опыт^[22].

Однако в первые годы после Второй мировой войны произошло несколько событий, в результате которых антикоммунизм оказался в самом центре американской политики и обрел новую, крайне радикальную форму.

Реальный антикоммунизм

Начиналось все в Европе, в регионах, опустошенных Второй мировой войной. Вашингтонским руководителям не нравилось, что коммунистические партии победили на первых послевоенных выборах и во Франции, и в Италии^[23]. В Греции возглавляемые коммунистами партизаны, одолевшие нацистов, отказались разоружиться или признать правительство, созданное под британским контролем, там разразилась гражданская война. Непокойно было и в Западной Азии. В Турции победивший Советский Союз потребовал допустить его к созданию морской базы в Ормузском проливе, спровоцировав небольшой политический кризис. В Иране, северная часть которого находилась под контролем Советов с 1941 г. (по соглашению с западными союзниками), возглавляемая коммунистами Народная партия Ирана стала самой крупной и наиболее организованной политической группой, а этнические меньшинства требовали независимости от шаха, то есть, по сути, короля, поставленного Британией.

Трумэн относился к Советскому Союзу намного менее терпимо, чем его предшественник, и искал возможность вступить в конфронтацию со Сталиным. Греция и Турция дали ему такой повод. В марте 1947 г. президент в специальном обращении запросил у Конгресса гражданскую и военную поддержку для этих стран. Комплекс идей, озвученных в этом выступлении, впоследствии получит название «доктрина Трумэна».

«Самому существованию греческого государства сегодня угрожает террористическая деятельность нескольких тысяч боевиков, которых поднабивают коммунисты, – сказал он. – Я убежден, что политика Соединенных Штатов должна состоять в поддержке свободных людей – тех, кто сопротивляется вооруженному меньшинству или внешнему давлению, ставящему себе цель подчинить их»^[24].

Артур Ванденберг, председатель Комитета Сената США по международным отношениям, дал Трумэну совет: чтобы получить желаемое, Белый дом должен «до чертиков напугать американский народ» коммунизмом. Трумэн прислушался к этому совету, и он в самом деле прекрасно сработал. Антикоммунистическая риторика неуклонно усиливалась, поскольку сам характер политической системы США создавал очевидные стимулы для эскалации напряжения. После переизбрания Трумэна в 1948 г. для побежденной Республиканской партии попросту имело политический смысл обвинить его в «мягком отношении к коммунизму», хотя это совершенно не соответствовало действительности^[25].

Антикоммунизм специфического характера, оформившийся в эти годы, отчасти основывался на оценочных суждениях – широко распространенном в Соединенных Штатах мнении, что коммунизм является плохой или порочной, пусть даже эффективной, системой. Однако опирался он и на определенные оценки того, что представлял собой мировой коммунизм, возглавляемый Советами. Повсеместно распространялись домыслы, будто Сталин хочет вторгнуться в Западную Европу. Никто теперь не сомневался, что Советы якобы готовят революцию во всем мире, а везде, где есть коммунисты, пусть совсем немногочисленные, они спят и видят, как свергнуть правительство. Слепо принималось на веру и то, что повсюду, где действуют коммунисты, они выполняют приказы Советского Союза, будучи частью единого всемирного заговора по разрушению Запада. Большая часть этих убеждений была попросту неправдой. Остальное – в значительной степени преувеличение. Яркий пример в этом смысле – Греция, конфликт в которой, по сути, был использован Трумэном для того, чтобы начать холодную войну. В действительности Сталин дал греческим коммунистам указание отступить и позволить правительству, за которым стояла Британия, взять власть в стране после ухода нацистов^[26]. Греческие коммунисты отказались следовать этим инструкциям. Борьба с правым правительством, желавшим уничтожить компартию, была для них гораздо важнее лояльности Советского Союза. Похожим образом советский лидер призвал итальянских и французских коммунистов

сложить оружие (что они и сделали) и попросил коммунистические силы Югославии перестать поддерживать своих греческих товарищей, уступить власть в своей собственной стране и объединиться с Болгарией (югославский лидер Иосип Тито не подчинился, чем спровоцировал такой мощный раскол в соцлагере, что Сталин попытался его убить)^[27]. Лидеры Народной партии Ирана после Второй мировой войны считали, что их страна созрела для революции, но Советы велели им не предпринимать никаких попыток захвата власти, к 1946 г. СССР решил, что и Турция не стоит хлопот. У советского лидера не было планов вторжения в Западную Европу. Сталин, конечно, отступил в этих частях мира не из душевного благородства или глубокого уважения к правам наций на самоопределение. Дело в том, что он заключил в Ялте сделку с силами Запада и слишком боялся настроить Соединенные Штаты против себя, чтобы ее нарушить. И был удивлен, когда Вашингтон стал действовать так, будто он в самом деле объявил Америку своим врагом^[28].

Правое греческое правительство получило поддержку Соединенных Штатов, однозначно предпочитавших британского союзника левым партизанам, и применило новое химическое вещество под названием «напалм», только что разработанное в секретной гарвардской лаборатории, чтобы сокрушить повстанцев, сражавшихся против гитлеровских войск. Королевские военно-воздушные силы Греции применили напалм в лесистых горах региона Вицы вблизи границы с Албанией. В Западной Европе, откуда родом предки всех лидеров США вплоть до сегодняшнего дня, Вашингтон представил план Маршалла – блистательно разработанный и невероятно эффективный комплекс мер экономической помощи, поставивший эти богатые страны на рельсы капиталистической реконструкции по американскому образцу^[29].

В мире существовало много социалистических, марксистских и коммунистических течений, и даже партии, по идее лояльные Советскому Союзу, действовали независимо, если считали это целесообразным. Марксизм как руководящая идеология, в том числе в марксистско-ленинском изводе, закрепленном Сталиным, безусловно, не требовал от всех своих адептов обязательно совершать революцию. И разумеется, в рамках этой картины мира невозможно было получить социализм просто потому, что кому-то так хочется.

Еще до того, как сам Маркс засел за свои труды, существовала традиция «утопического социализма». Одним из главных моментов в марксизме было отрицание идеи, будто чаемый мир можно воплотить в жизнь одним волевым усилием, и Маркс разработал теорию, согласно которой общества движутся вперед посредством конфликта экономических классов. В «Манифесте Коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс воздали капитализму должное как революционной силе, заявив, что появление буржуазии освободило человечество от оков феодализма и раскрыло невидимые прежде силы. Они спрогнозировали, что капиталистический способ производства приведет к развитию рабочего класса, который затем свергнет власть буржуазии в развитых странах. На деле в Европе события развивались по другому сценарию, но Советы продолжали верить в эту теорию, а также в ключевую роль классового развития и экономических отношений. Необходимо пройти через капитализм, чтобы дозреть до социализма, гласила их теория.

Задолго до революции в России некоторые марксистские партии в Европе, например социал-демократическая в Германии, отвергли революционный путь и посвятили себя отстаиванию интересов рабочего класса в рамках парламентских избирательных систем. Даже открыто просоветские партии нового Коммунистического интернационала, или Коминтерна, действовавшего с 1919 по 1943 г., по-разному интерпретировали официальную идеологию, а способ ее практического воплощения основывался на том или ином сочетании возможностей, зависящих от конкретных условий, толкования учения марксизма и геополитических обстоятельств^[30].

Важный пример – история Мао Цзэдуна в Китае. Коминтерн занимался подготовкой как его Коммунистической партии, так и Националистической, во главе с Чан Кайши, ориенти-

руя обе выстраивать организацию в соответствии с принципами ленинизма, что подразумевало строгое подчинение и согласие руководствоваться принципом демократического централизма. Москва велела китайским коммунистам работать в непосредственном контакте с националистами в рамках широкого «единого фронта», концепцию которого разработал сам Коминтерн^[31]. Считалось, что Китай – страна нищих крестьян – очень далек от той стадии капиталистического развития, которая позволяет говорить о возможности революции.

Этот подход опирался на опыт более старшей коммунистической партии. Голландец Хенк Снеффлит, местный коминтерновский вождь, помог основать первую в Азии коммунистическую партию за пределами бывшей Российской империи – Коммунистическую партию Индонезии – и считал, что китайская партия может извлечь полезный урок из успеха, достигнутого индонезийскими коммунистами совместно с народным движением «Исламский союз»^[32]. Задачей Мао было поддержать «буржуазных» националистов и сыграть вспомогательную роль в построении капиталистического государства. Как верный коммунист, Мао повиновался. Для китайских коммунистов это обернулось бедой. В 1927 г. Чан Кайши атаковал их. Бойня в Шанхае была только началом, впоследствии войска националистов убили более миллиона человек. Мишенью «белого террора», волна которого прокатилась по стране в следующие несколько лет, стали коммунисты, крестьянские лидеры и политические активисты^[33]. Китайские коммунисты и националисты снова объединились для борьбы с японскими оккупантами, этот союз продержался до конца Второй мировой войны, а затем Сталин опять велел коммунистам уступить^[34].

В Восточной Европе Сталин опирался на совершенно другую стратегию, считая территорию, которую его войска отбили у Гитлера, своей законной сферой влияния и важным буфером, защищающим СССР от возможного вторжения с Запада. После провозглашения доктрины Трумэна и начала реализации плана Маршалла Москва организовала коммунистический переворот в Чехословакии. Западные силы, впрочем, тоже вели не самую честную игру на оккупированных их армиями территориях. Когда стало ясно, что множество итальянцев и французов собираются свободно проголосовать за коммунистические партии, США приняли очень серьезно вмешиваться в дела Западной Европы, стремясь гарантированно оттеснить левых от власти. В Париже правительство, сильно зависимое от финансовой помощи США, сместило с должности всех министров-коммунистов в 1947 г.^[35] В Италии США вливали миллионы долларов в Христианско-демократическую партию и потратили еще миллионы на антикоммунистическую пропаганду. Такие звезды, как Фрэнк Синатра и Гэри Купер, записывали передачи для правительственной радиостанции «Голос Америки». Вашингтон организовал огромную кампанию, в рамках которой американцы итальянского происхождения писали друзьям и родственникам, оставшимся в родной стране, письма с такими, например, утверждениями: «Победа коммунистов разрушит Италию. Соединенные Штаты прекратят оказывать помощь, и результатом, скорее всего, станет мировая война» или «Если силы истинной демократии проиграют на выборах в Италии, американское правительство больше не станет посылать в Италию деньги»^[36]. Коммунисты проиграли.

К концу 1940-х гг. вся территория, освобожденная Красной армией, состояла из стран с единственной партией – коммунистической, а вся территория, контролируемая западными силами, была капиталистической и имела проамериканскую ориентацию, независимо от того, чего хотели люди в 1945 г.

После знаменитой речи Уинстона Черчилля многие на Западе стали говорить, что социалистические государства Восточной Европы находятся за «железным занавесом». Лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти, партия которого десятилетиями оставалась популярной, сказал, что Соединенные Штаты – это нация, возглавляемая невежественными «рабовладельцами», которые теперь хотят покупать целые страны, как когда-то они покупали людей^[37]. Сталин, будучи марксистом-ленинцем, безусловно, считал, что коммунизм со вре-

менем победит. Законы истории делали это неизбежным. Однако именно по этой причине – и потому, что Советы были очень ослаблены войной, – у него не было намерения вторгаться в Западную Европу. Сталин считал, что следующая мировая война разразится между империалистическими западными государствами, на что вроде как указывала его собственная теория^[38].

Однако Мао в Китае решил на сей раз проигнорировать директивы Сталина, продолжив после Второй мировой войны вести войну гражданскую. В 1949 г. он наконец разгромил националистов, чьи продажность, жестокость и некомпетентность давно беспокоили их покровителей в Вашингтоне. Подобно Хо Ши Мину в августе 1945 г., Мао также пребывал в иллюзии, будто может иметь хорошие отношения с Соединенными Штатами. Конечно, он ошибался^[39]. После его победы опасность возникновения «красного Китая» вызвала в самих Соединенных Штатах яростный обмен упреками.

Мировой маккартизм

Маккартизм назван по имени сенатора Джозефа Маккарти, возглавлявшего дикую охоту на коммунистов в правительстве США в начале 1950-х гг. Однако наиболее правильным было бы осознать, что это не просто политическая кампания, а целый процесс, запущенный еще до оголтелого поношения коммунистов в приснопамятном публичном выступлении этого деятеля и никоим образом не закончившийся после того, как этого человека обвинили во лжи^[40]. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee, HUAC) начала работать в 1938 г., а закончила лишь в 1975-м. Знаменитые публичные процессы не были обычной «охотой на ведьм», то есть нападениями осатаневших толп на нечто, не существующее в природе: в Соединенных Штатах действительно были коммунисты. Они активно действовали в профсоюзах, Голливуде и некоторых властных структурах, Коммунистическая партия США привлекла много темнокожих и евреев. Они не пользовались особенной популярностью в 1930-е гг., по-настоящему новым после Второй мировой войны стало то, что теперь никто не собирался терпеть их.

Маккартизм был процессом, запущенным сверху – инспирированным в первую очередь президентом и Федеральным бюро расследований (ФБР). В 1947 г. директор ФБР Джон Эдгар Гувер, сыгравший огромную роль в создании и распространении антикоммунистического консенсуса, обратился к HUAC и озвучил ряд основополагающих положений маккартистской картины мира^[41]. Он заявил, что коммунисты планируют в стране военный переворот, который может привести к уничтожению сил полиции и захвату всех коммуникаций. Гувер утверждал:

Бесспорно одно. Американский прогресс, к которому стремятся все добропорядочные граждане и который подразумевает среди прочего пенсионное обеспечение, дома для ветеранов, помощь детям и многое другое, используется коммунистами как занавес для сокрытия их истинных целей и заманивания в ловушку доверчивых последователей. <...> Неважно, сколько зарегистрированных членов состоит в партии... дело в том, что на каждого члена партии приходится десять человек, готовых, желающих и способных вести партийную работу. <...> Не приходится сомневаться, в чем заключается подлинная верность коммунизму. Это их преданность России^[42].

Гувер ставил логическую смертельную ловушку. Если вас обвиняют в том, что вы коммунист, или подозревают в связях с коммунистами, защититься невозможно. Вы предлагаете небольшую социальную реформу? Правильно, именно так и поступил бы коммунист, чтобы скрыть свои истинные мотивы. Ваша численность невелика? Это еще одно доказательство вашего коварства, поскольку означает лишь то, что ваши товарищи прячутся в тени. Ничуть не лучше, если вас много или вы не скрываете, что являетесь коммунистом, и гордитесь этим.

С расцветом маккартизма все, хотя бы отдаленно напоминающее коммунизм, было изгнано из приличного американского общества. Молодой актер Рональд Рейган привел к присяге на верность всех членов Гильдии киноактеров Америки – мощного профсоюзного объединения, которое он тогда возглавлял. На всех значимых уровнях власти должности сохранили лишь фанатичные антикоммунисты – в итоге из Государственного департамента, дипломатической службы США, была изгнана часть умнейших экспертов. В связи с «проигранным» коммунистам Китаем особенно энергично в тайных симпатиях к левому движению обвинялись опытные специалисты по Азии^[43].

По словам одного бразильского историка, не то чтобы США изобрели эту идеологию, но в годы после Второй мировой войны страну превратили в мировой «оплот антикоммунизма»,

который тратил значительные ресурсы на продвижение этой идеи, а также служил ориентиром и источником легитимности для мыслящих подобным образом движений во всем мире^[44].

К концу 1940-х гг. разграничительные линии между первым и вторым мирами обрели относительную стабильность. А вот будущее третьего мира пока оставалось неопределенным.

Джакартская аксиома

После обнародования доктрины Трумэна и пришествия маккартизма не осталось никаких сомнений в том, что коммунисты и коммунистические правительства – враги Вашингтона. На что бы ни надеялись Хо Ши Мин и Мао в 1945 г., на мировой арене их приветствовать не собирались. С другой стороны, оставалось неясным, как руководители США поступят в отношении растущей волны радикальных движений третьего мира, которые оппонировали европейскому империализму, не были коммунистическими, но отказывались вступать в явный альянс с Вашингтоном против Москвы. Это было очень распространенное явление. Многие лидеры независимых движений третьего мира связывали Соединенные Штаты с их западно-европейскими союзниками-империалистами, другие были убеждены, что Советский Союз – ценный друг в борьбе с колониализмом. Они не желали, чтобы ими правили Советы, но хотели иметь как можно больше союзников.

В 1948 г. исход схватки за власть в бывшей Голландской Ост-Индии, казалось, подсказал вариант возможного разрешения этой коллизии. На острове Ява силы борцов за независимость сражались с армией, прибывшей из Нидерландов и пытавшейся вновь завоевать эти колонии в Юго-Восточной Азии. Во время Второй мировой войны голландцы уступили огромный архипелаг японцам и отказались признать правительство, созданное местными жителями в 1945 г. В ходе войны за независимость республиканские силы – правого толка – схлестнулись с коммунистами, исповедовавшими революционную идеологию, вблизи города Мадун на востоке Явы. При поддержке независимого лидера Сукарно коммунисты были разгромлены, глава Коммунистической партии Индонезии был убит. Этот инцидент получил название Мадунский мятеж^[45]. Огромная страна, которую Сукарно возглавил после окончательного изгнания голландцев в 1949 г., отныне называлась Индонезия. На тот момент ее готовность подавлять коммунистические восстания представлялась достаточно серьезной, чтобы Соединенные Штаты сочли, что в долгосрочной перспективе это сулит им выигрыш.

При Трумэне деятели внешнеполитического ведомства США видели в рождающейся Индонезии Сукарно яркий пример весьма антикоммунистического и антиколониального движения, поэтому название столицы страны, Джакарта, стало обозначать принцип терпимости к нейтральным странам третьего мира. По выражению историка холодной войны Одда Арне Вестада, Вашингтон принял «джакартскую аксиому»^[46].

Этот баланс сил не был особенно устойчивым, да и сами действия Соединенных Штатов в реальном мире у лидеров нового третьего мира особого восторга не вызывали. Молодому конгрессмену от Массачусетса Джону Кеннеди хватило заинтересованности, амбиций и денег, чтобы, поездив по миру, уловить те чувства, с которыми другие страны относятся к США, и то, что он осознал, оказалось для него неприятным откровением. Джек Фитцджералд Кеннеди, или JFK, был в американской элите белой вороной. Он был католиком и не то что даже «первым ирландским аристократом» – первым представителем американской верхушки, а выходцем из народных масс – тех, что прибыли в страну нищими иммигрантами, а не колонизаторами^[47]. Его отец Джозеф Кеннеди преодолел предрассудки и заведомо ничтожные шансы на успех, создав огромное состояние в сфере финансов и недвижимости. И к тому моменту, когда юный Джек отправился воевать во Второй мировой войне, он уже успел совершить гранд-тур по Европе, объездить большую часть Южной Америки и окончить Гарвард.

Джо Кеннеди понимал одну основополагающую истину, касающуюся политической власти в Соединенных Штатах: власть можно купить. По словам одного из кузенов, он потратил «ошеломляющую» сумму на кампанию Джека в ходе выборов в Конгресс в 1946 г. Он сказал двоим репортерам: «Политика сродни войне. Для победы нужно три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги». Деньги помощник Джо – предосторожности

ради – предпочитал передавать деловым партнерам в общественных туалетах^[48]. Джек, которого, как и его отца, знакомые считали плейбоем, одержал победу играючи. Однако политика США не могла управляться одними лишь деньгами – ему нужно было добиться еще и общественной поддержки. Между тем сам характер его избирательного округа, населенного рабочими-католиками, несколько смещал его в «либеральную» сторону – к альянсу с силами, поддерживавшими «Новый курс» Франклина Делано Рузвельта.

Бесспорно, Джеку было не до красных. В ходе своей первой избирательной кампании он произнес: «Пора: пришло время ясно высказаться по важнейшей проблеме, стоящей сегодня перед миром. Эта проблема – Советская Россия»^[49]. Он считал, что профсоюзы действуют исключительно в интересах своих лидеров и наводнены коммунистами, и не стал скрывать свое мнение на этот счет от них самих на слушаниях в Конгрессе. В 1954 г., когда специальный сенатский комитет рекомендовал обвинить Джозефа Маккарти в нарушении правил Сената, Джон Кеннеди был единственным демократом, который не голосовал против него^[50]. Однако то ли потому, что он так много поездил по миру, то ли потому, что был ирландцем и знал, пусть в самой малой степени, каково это – происходить из народа, отчасти угнетенного, но факт тот, что JFK воспринимал третий мир иначе, чем большая часть вашингтонской элиты. Если великое множество других ее представителей квалифицировали малейшее уклонение от открытого альянса с США как коммунистическую подрывную деятельность против мирового порядка, то Кеннеди полагал, что если формирующиеся нации отстаивают свое право идти собственным путем, то это вполне естественно.

В 1951 г. он совершил поездку в Марокко, Иран, Египет, Индокитай, Малайю, Бирму, Индию и Пакистан и пришел к выводу, что Соединенные Штаты не смогли понять важность «националистических устремлений... направленных прежде всего против колониальной политики Запада»^[51].

Позже, в том же году, Кеннеди отправился в очередной длительный вояж, на сей раз в Израиль, Иран, Пакистан, Сингапур, французский Индокитай, Корею, Японию и Индонезию. Он отметил, что США «однозначно ассоциируются с империалистическими силами Европы». Вашингтону было совершенно необходимо установить союзные отношения с формирующимися нациями, но задача осложнялась тем, что американцы «все в большей мере становились колониалистами в умах людей»^[52].

Размышляя о ситуации во Вьетнаме, он пришел к выводу, что Соединенные Штаты «связали себя с отчаянной попыткой французского режима уцепиться за остатки своей империи»: «Если я что-то и усвоил в результате своего знакомства с Ближним, а также Дальним Востоком, так это что на вызов коммунизма невозможно эффективно ответить одной лишь силой оружия»^[53].

В Индии Джек и его брат Бобби получили серьезный урок от одного из представителей новой когорты мировых лидеров. Джавахарлал Неру, первый премьер-министр Индии, подобно Гамалю Абдель Насеру, пришедшему к власти в Египте в 1952 г., отдавал предпочтение построению социалистического общества. Оба эти лидера отвергли ленинскую модель и хотели идти собственным путем, но в критические моменты зачастую предпочитали объединяться с Советами, а не с американцами и их европейскими союзниками. Даже если бы Неру знал о самых страшных трагедиях 1930-х гг. в Советском Союзе, его трудно было бы осуждать за недоверие к западным державам: во время Второй мировой войны британская политика вызвала в Индии голод, унесший жизни 4 млн человек.

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль обвинил в голоде, спровоцированном его правительством, самих индийцев, заявив, что те сами виноваты, раз «плодятся как кролики», и осведомился, почему Ганди, которого Черчилль на дух не переносил, до сих пор не умер^[54].

Когда Джек с младшими братом и сестрой ужинали с Неру в 1951 г., индийский лидер, по рассказам Бобби Кеннеди, держался властно, демонстрировал скуку и незаинтересованность и проявил интерес разве что к их сестре Пэт. В ответ на вопрос JFK о Вьетнаме индийский лидер презрительно отозвался о войне с Францией как о примере обреченности колониализма и сказал, что США швыряют свою денежную помощь в «бездонную дыру». Он мягко поучал молодых Кеннеди, словно разговаривая с детьми, и Бобби с раздражением отметил в своих записях, что Неру заявил им, что коммунизм якобы предлагает народам третьего мира «то, за что стоит умирать». Свой конспект замечаний Неру Бобби закончил следующим сообщением: «Мы [американцы] можем предложить этим людям лишь статус-кво»^[55].

Улыбающийся Джонс и «банда чокнутых» Виснера

Когда Соединенные Штаты превратились в обладающую беспрецедентной мощью мировую силу, в распоряжении правительства оказалось мало способов взаимодействия с остальным миром. Президент возглавлял Военное министерство, или Пентагон, скоро ставший Министерством обороны. Наличествовал Государственный департамент – Министерство иностранных дел и дипломатическая служба США, действующая с 1789 г. Однако отсутствовала специализированная разведывательная служба – не было постоянного ведомства, занимающегося сбором информации за рубежом и имеющего право на осуществление секретных операций, тайной деятельности, направленной на изменение хода событий во всем мире. Американцы не имели многовекового опыта управления мировой империей, как британцы, или хотя бы опыта каждодневного оборонительного шпионажа, который Советы унаследовали от Российской империи. Однако Вашингтон очень быстро создал новое разведывательное управление, используя огромное богатство страны, чтобы щедро его финансировать, и имея в своем распоряжении достаточно молодых мужчин, приобретших зарубежный опыт во время Второй мировой войны, чтобы укомплектовать его кадрами.

Одним из самых важных новичков был Фрэнк Виснер. Всякий раз, как его спрашивали, почему он занимается тем, чем занимается, в интересах властей Соединенных Штатов, этот человек рассказывал следующую историю. В сентябре 1944 г. Виснер прилетел в Румынию работать начальником резидентуры в Управлении стратегических служб (Office of Strategic Services), временного шпионского ведомства, организованного Вашингтоном в военный период. Находясь там, он услышал – и поверил в это, – что Советы намерены взять Румынию под свой контроль, но его боссы на родине были не в настроении реагировать на сообщения о злокозненных планах своих союзников. В январе 1945 г. Сталин отдал приказ вывезти из страны в Советский Союз тысячи мужчин и женщин немецкого происхождения с целью «мобилизации на принудительные работы». Некоторых из этих немцев Виснер знал лично. Когда началась насильственная эвакуация, он, по его словам, лихорадочно ездил по городу, пытаясь их спасти, но не смог. Тысячи людей были согнаны в товарные вагоны и отправлены в трудовые лагеря. По воспоминаниям близких Виснера, эти сцены будут преследовать его всю оставшуюся беспокойную жизнь^[56].

Виснер, которого иногда звали просто Виз, родился в 1909 г. в богатой семье, владевшей обширными землями в Миссисипи – одном из штатов американского Юга, где действовали законы Джима Кроу, дискриминирующие афроамериканцев. Он вырос в замкнутом мире привилегированного семейства, и в детстве даже одевался-то не сам: лежа Виз поднимал руки и ноги, а темнокожая служанка натягивала на него рубашку и брюки^[57]. Любимой книгой Фрэнка был «Ким» Редьярда Киплинга: сюжетная коллизия там разворачивается на фоне Большой Игры между Британской и Российской империями^[58]. Виза отправили в аристократическую школу Вудберри-Форест¹ в Вирджинии. Он рьяно тягал штангу, чтобы нарастить мышцы на своем костлявом корпусе, и отличался исключительным конкурентным духом. В Университете Вирджинии ему предложили вступить в тайное «Общество семи», настолько экзотичное, что оно раскрывало имена своих членов только после их смерти. Виз был очень собранным, но иногда позволял себе расслабиться, особенно на вечеринках, где алкоголь тек рекой. Он стал юристом в респектабельной юридической фирме на Уолл-стрит. Непоседливость и крепкий нравственный стержень принудили его записаться в ВМФ за год до того, как японцы атаковали Соединенные Штаты в Пёрл-Харборе^[59]. Управление стратегических служб предпочитало нанимать на работу элитных специалистов по корпоративному праву

¹ Частная мужская школа-интернат, основанная в 1889 г. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

из лучших школ, и Виснер соответствовал их требованиям. Он попал в разведку – с помощью своего старого профессора – и чувствовал себя там будто рыба в воде. В Румынии Виснер не только собирал информацию и пытался спасти немцев. Он быстро оказался на короткой ноге с местной аристократией, жил в поместье, выпивал, танцевал и демонстрировал фокусы^[60]. Также он вращался в обществе, где повсюду сновали более опытные советские агенты. После отъезда Виснера из Румынии стало ясно, что там он был под колпаком у русских шпионов^[61].

Вернувшись на Уолл-стрит после войны, Виснер заскучал было и приуныл, однако тут же ухватился за возможность снова послужить своей стране – сразиться с коммунистами^[62]. Он возглавил новое ведомство тайных операций с безобидным названием «Бюро политической координации» (Office of Policy Coordination) и приступил к работе в Берлине.

Ровно в это же время в Берлин явился человек совершенно иного типа, Говард Палффри Джонс, работавший в другой ветви внешнеполитического аппарата США. Джонс, на этот раз оказавшийся в Берлине вместе с Алленом Даллесом, бывшим боссом Виснера в Управлении стратегических служб, был дипломатом и ветераном, еще на самом раннем этапе развития немецкого национал-социализма не понаслышке знавшим о его жестокости. Во время поездки в Германию в 1934 г. его избили солдаты-нацисты – за то, что не отсалютовал должным образом нацистскому флагу^[63]. Джонс был уже в возрасте, когда началась Вторая мировая война, и служил в Германии. Сразу после войны он поступил на службу в Государственный департамент США. В отличие от Виснера, убежденного участника крестового похода против коммунистов, Джонс придерживался совершенно иного подхода по отношению ко всему остальному миру. Он не рассматривал любую ситуацию в черно-белом свете мировой борьбы, а стремился глубоко погрузиться в присущие ей сложности. Его работа приносила ему подлинное наслаждение.

Почти на каждой фотографии Говард Палффри Джонс напоминает огромного добродушного увальня. На лице широкая улыбка, вид такой, словно он просто счастлив здесь оказаться – хоть с яванскими танцорами, хоть бок о бок с коллегами-дипломатами. Современники описывали его аналогичным образом. Он разъезжал по миру в костюмах из блестящей белой синтетики и прилагал все усилия, чтобы говорить на местном языке и со всеми подружиться. Даже те, кто считал его врагом, – а именно коммунисты – называли его Улыбающийся Джонс и призывали товарищей не покупать на его благостный облик^[64].

Джонс родился в 1899 г. в Чикаго в семье, относившейся к среднему классу. Это был город вечной суматохи и хаоса, и он вырос, вытворяя в родном квартале всевозможные проделки в пестрой компании друзей – сыновей иммигрантов из Польши, Италии, Богемии и Норвегии^[65].

По мировым стандартам у Джонса было совершенно счастливое детство, однако по сравнению с такими, как Виснер и Кеннеди, он был всего лишь простым парнем. Когда впоследствии его просили рассказать, чем в своей жизни он больше всего гордится, Джонс обращался к тому времени, когда противоборствовал расизму в США. Закончив колледж при Висконсинском университете, он стал редактором газеты в Эвансвилле, штат Индиана. Газета обнаружила, что Ку-клукс-клан (Ku Klux Klan) – жестокая организация, помешанная на идее превосходства белой расы, – руководит сетью преступников и контролирует полицию. Редакторы подготовили разоблачительную статью, и «великий орел» Ку-клукс-клана лично звонил Джонсу с угрозами. Он все равно опубликовал статью. Клан принялся жечь кресты по всему городу, половина рекламодателей порвали отношения с газетой^[66].

Государственный департамент отличался от тех серьезных организаций, на которые работал Виснер, но даже по сравнению с большинством дипломатов в своем ведомстве Джонс отличался способностью к сопереживанию и отзывчивостью. Его прозвали – пожалуй, не без пренебрежения – «мастером ненавязчивой рекламы», подразумевая, что он представляет официальную позицию властей США максимально мягко. Джонс был убежден, что международ-

ная политика должна основываться на глубоком знании чаяний местных жителей, из чего следовало, что никакого универсального подхода к работе быть не может. Он, безусловно, считал приемлемыми попытки Вашингтона изменить мир и преследовать собственные интересы. Однако разве можно это сделать, не понимая ту или иную культуру изнутри?

В 1948 г. в Берлине Джонс и Виснер работали над серьезной проблемой Германии на тот момент – как вести финансовые дела в разделенной на зоны оккупации стране. Виснер жестко требовал относиться к Москве без малейшего снисхождения. Он поддержал создание новой валюты в западных зонах оккупации. В июне 1948 г. власти союзников решили в одностороннем порядке выпустить валюту для Западной Германии, дойчмарку, застав Советы врасплох и, вероятно, спровоцировав долгосрочное разделение страны на два государства^[67].

После этого Джонса направили работать на Тайвань, где националисты под руководством Чан Кайши создали свое правительство. Поскольку они отказывались признать коммунистическое правительство Мао на материковой части страны, власти США признали Тайвань «настоящим» Китаем, несмотря на то что на острове до их прибытия проживало собственное население, обладавшее собственной культурной идентичностью. Та власть не была демократической. В феврале 1947 г. новое правительство истребило тысячи противников власти националистов. Так начался третий период «белого террора» и периодических репрессий против диссидентов, часто оправдываемых задачей борьбы с коммунизмом, все это длилось на протяжении многих лет^[68].

К 1951 г. Бюро политической координации Виснера оказалось поглощенным только что сформированным постоянным органом под названием «Центральное разведывательное управление США», где он получил должность заместителя директора по планированию. Виз отвечал за тайные операции. Его команда, которую все кто ни попадя в Вашингтоне называли «бандой чокнутых», стала искать способы выиграть холодную войну, действуя втайне по всему миру, насколько для этого хватало сил.

Хотя Виснер был настоящей белой костью, большинство постов в ЦРУ на раннем этапе занимали выходцы из еще более высоких слоев американского общества. Многие были выпускниками Йеля, причем из тех, кто взирал сверху вниз на выпускников того же университета, кто не воспитывался в правильной частной школе или не состоял в правильном тайном обществе. Однако в смысле антикоммунизма Виз всем им мог дать фору. Как сказал Артур Шлезингер – младший, служивший сержантом Управления стратегических служб в Германии: «Лично я никогда не был большим поклонником Советского Союза и, безусловно, не рассчитывал на гармоничные отношения после войны. Но Фрэнк, даже на мой взгляд, малость перебирал по этой части»^[69].

Ребята из ЦРУ и их жены сформировали в Вашингтоне (округ Колумбия) приятную социальную среду. Более урбанизированные и либеральные, чем большинство людей в этом городе в ту эпоху, они организовывали шумные званые обеды в своих домах в Джорджтауне, куда приглашали агентов ЦРУ, чиновников из Министерства обороны и влиятельных журналистов. После обеда, как было принято в те времена, женщины удалялись в одну комнату, а мужчины беседовали о политике в другой^[70]. Как правило, они брали пример с Секретной разведывательной службы, или МИ-6, – британского агентства, накопившего огромный опыт шпионажа на протяжении столетий существования Британской империи. Некоторые являлись большими поклонниками Джеймса Бонда. Трейси Барнс, один из основателей ЦРУ, обожал литературного героя, созданного Яном Флемингом в 1953 г., и дарил его романы своей семье на День благодарения^[71].

Пол Нитце, разработавший так называемый план холодной войны, описал имперские ценности высшего класса, которыми дети элиты проникались в школе Гротон, частном учебном заведении, устроенном по образцу английских школ и снабдившем ЦРУ на начальном этапе многими ключевыми сотрудниками.

«Так исторически сложилось, что каждая религия высоко чтит тех своих последователей, кто уничтожил врага. Коран, древнегреческие мифы, Ветхий Завет – вот чему учили мальчиков в Гротоне, – сказал Нитце. – Сокрушить врага – благое дело. Конечно, имеются некоторые ограничения средств и способов. Если обратиться к греческой культуре и прочесть Фукидида, там есть пределы того, что можно сделать с другими греками, принадлежащими к твоей культуре. Однако нет пределов тому, что можно сотворить с персом. Он варвар». Коммунисты, заключил он, «были варварами»^[72].

С самого начала в ЦРУ было два основных подразделения. Одна сторона деятельности – сбор информации посредством шпионажа. Работа этих людей отчасти напоминала частную новостную службу президента. Другой стороной были секретные операции – грубые действия, активные попытки изменить мир. Вот это как раз была территория Фрэнка Виснера.

Виз начал с создания спящей сети шпионов и «закулисных» агентов в Западной Европе, задачей которых было активизироваться, если Советы когда-нибудь вторгнутся туда^[73]. В Германии ЦРУ ничтоже сумняшеся брало на службу бывших нацистов, в том числе руководителей эскадронов смерти, при условии, что те были антикоммунистами. Затем Виснер стал искать способ проникнуть на советскую территорию. Он нанимал отчаявшихся, потерявших все украинских беженцев, многие из которых воевали на стороне нацистов, их должны были забрасывать на территорию коммунистов на парашютах, чтобы там они организовывали восстания против русских. Ни один из них не выжил^[74]. Виснера это, однако же, не остановило. Центральное разведывательное управление отправило сотни агентов-албанцев на их родину. Почти все были схвачены или убиты. Выглядело это так, будто союзные с Советами государства поджидали их. Так оно и было. Ким Филби, британский агент, работавший в тесной близости с Виснером и другими сотрудниками ЦРУ, был советским «кротом». Практически каждая из ранних операций Виснера оказалась так или иначе скомпрометирована. Но и узнав об этом, Виснер продолжал отправлять своих агентов в Албанию. Их вылавливали и судили.

Медленно, но верно Виз и цэрэушники приходили к пониманию, что собственная территория Советов по большей части неприступна. Проникнуть туда шансов не было. Если они хотят победить коммунизм – а они отчаянно этого хотели, – нужно смотреть в других направлениях. Такую возможность как раз и дал третий мир. Проблема, которую эти люди не заметили, согласно весьма благожелательной истории, написанной журналистом Эваном Томасом, состояла «в том факте, что они почти ничего не знали о так называемом развивающемся мире»^[75].

2

Независимая Индонезия

Новая жизнь Франциски

В 1951 г. Франциска вернулась на родину. Двадцатичетырехлетняя женщина, только что вышедшая замуж, обосновалась с супругом в гараже на аэродроме BBC в 16 км от центра города. Условия были намного суровее тех, к которым она привыкла, но двоюродный брат посоветовал им это место, и они решили здесь поселиться. Ежедневно она вставала в шесть утра, ехала на велосипеде до ближайшей остановки, садилась в автобус, затем запрыгивала в кузов маленького шестиместного автомобиля с мотоциклетным двигателем и ехала на работу. Дорожное движение в те дни было совсем слабым и мусульманки в хиджабах были наперечет, но при высокой влажности и температуре за 30 °С, считай, круглый год, чтобы добраться куда-нибудь в Джакарте, приходилось попотеть как следует.

Все это, однако же, нисколько ее не тяготило. Как и многих других индонезийцев, Франциску переполнял энтузиазм. После столетий эксплуатации и рабства у нее была своя страна, пусть всего только в год возрастом.

Совершая свой ежедневный путь по городу, Франциска не думала о комфортной жизни, от которой отказалась. Единственное, что для нее было важно, – она строит Индонезию из ничего. «Мы должны жить в полную силу, делать все, что можем, – размышляла она. – Когда трудишься ради подобной цели, настолько большей, чем ты сам, это вообще не воспринимается как работа»^[76].

Франциска Паттипилохи родилась в 1926 г. и формально принадлежала к аристократии. Индонезия часто делилась на многочисленные мелкие королевства (и некоторое количество крупных), и ее семья относилась к высшему классу Амбона – тихого и уютного островка, обрамленного белым песком в окружении ярко-синего океана, в 2400 км от Джакарты. Голландские колониальные структуры предоставляли местной знати особые привилегии, но ее отец предпочел от них отказаться и работал архитектором, живя в столице, которая в те времена называлась Батавией. Более крупный остров Ява – один из самых плотно населенных участков земли в мире: здесь ошеломляющее скопление городов, многим из которых тысячи лет. Но Батавия никогда не считалась особо важной ни для одного из здешних королевств, это был форпост крупного порта Бантен, через который шла торговля перцем, когда Голландская Ост-Индская компания, одна из важнейших организаций в истории как мирового капитализма, так и колониализма, захватила его в 1619 г.^[77] Гигантский город, существующий сегодня, был построен по большей части голландцами, и его отличие от остальной Явы ощущается по сей день.

Отец Франциски был преуспевающим архитектором и мог себе позволить чудесный дом в городе. Дела его шли настолько хорошо, что Франциска имела возможность посещать колониальную школу вместе с голландскими детьми. Дома ей нравилось проводить время в отцовской библиотеке за чтением детских книг, которые он ей покупал. Она была единственным ребенком в семье, поэтому много времени проводила дома в одиночестве. Почти все издания для детей тогда были на голландском и рассказывали о белых детях, живших в Голландии или Германии. Франциска так глубоко погрузилась в сказки братьев Гримм, книги о ковбоях и индейцах и в сказки Ханса Кристиана Андерсена, что искренне поверила, будто они имеют отношение к ее родине. До подросткового возраста она считала, что Рейн течет где-то в Индонезии. Однако Франциска ничего не читала об остальных индонезийцах. Дома она разгова-

ривала как на колониальном языке, голландском, так и на наречии, привезенном ее семьей с Амбона. Ее семья исповедовала протестантизм, как и множество индонезийцев на «внешних островах», и она училась в частной христианской школе по соседству. Франциска была чрезвычайно сообразительной и невероятно любопытной. Когда она говорила о том, как весело узнавать что-то новое, ее голос всегда звенел от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Bradley Simpson, *Economists with Guns: Authoritarian Development and U.S.-Indonesian Relations, 1960–1968* (Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2008), 5. Симпсон здесь отмечает, что «вплоть до середины 1960-х гг. большинство должностных лиц по-прежнему придавали Индонезии намного большее значение, чем Вьетнаму или Лаосу». Как мы увидим далее, репортажи в газетах 1965 г. подтверждают этот баланс приоритетов.

2.

Vincent Bevins, "The Politicians Voting to Impeach Brazil's President Are Accused of More Corruption Than She Is," *Los Angeles Times*, March 28, 2016.

3.

Jonathan Watts, "Dilma Rousseff Taunt Opens Old Wounds of Dictatorship Era's Torture in Brazil," *The Guardian*, April 19, 2016.

4.

Vincent Bevins, "Brazil Is in Turmoil, an Impeachment Trial Looms, and Still, Dilma Rousseff Laughs," *Los Angeles Times*, July 5, 2016.

5.

Это отсылка к крылатой фразе Гегеля: «Смерть, не достигающая ничего... эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды». В кн.: *Phenomenology of Spirit*, "Absolute Freedom and Terror," Section 590.

6.

Я очень обязан книге Одда Арне Вестада *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005) за скрупулезно проработанное подтверждение той мысли, что определение уклада жизни в третьем мире являлось содержанием холодной войны в той же мере, что и конфликт сверхдержав. Я жалею, что не был знаком с этим аргументом задолго до того, как начал этот проект, но клянусь, что прочел это книгу уже после подачи заявки на написание собственной, опиравшейся на аналогичный тезис. Вероятно, десятилетие моей работы в «развивающемся мире» привело меня к тому же выводу, что и это научное исследование.

7.

О пуританах в Новой Англии, их идеологической преданности колониям, об экстремизме по отношению к Англии и их выводу, что Бог «провидчески очистил землю от ее обитателей, чтобы она приняла Его народ», см.: Virginia DeJohn Anderson, "New England in the Seventeenth Century," in *The Oxford History of the British Empire*, Vol. 1: *The Origins of Empire* (Oxford: Oxford University Press, 1998), 193–96.

8.

Alexander Koch et al., "Earth System Impacts of the European Arrival and Great Dying in the Americas after 1492," *Quaternary Science Reviews* 207 (March 2019), www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0277379118307261#!.

9.

Adam Serwer, "White Nationalism's Deep American Roots," *The Atlantic*, April 2019. Утверждение, что систематическая сегрегация достигала степени апартеида – в современном понимании этого термина – принадлежит мне, а не Серверу. О факте сегрегации в отношении солдат Второй мировой войны и о последствиях несправедливости по расовому признаку в военной среде того времени см., например: Francis X. Clines, "When Black Soldiers Were Hanged: A War's Footnote," *New York Times*, February 7, 1993.

10.

Alden Whitman, "'The Lightning' Strikes in War," *New York Times*, December 27, 1972, www.nytimes.com/1972/12/27/archives/harry-s-truman-decisive-president-the-lightning-strikes-in-war.html.

11.

Согласно официальным оценкам, 27 млн человек. Согласно другим утверждениям, намного больше. См.: Leonid Bershidsky, "A Message to Putin from 42 Million Dead," *Bloomberg*, May 10, 2017.

12.

См.: Ronald Grigor Suny, *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States* (Oxford: Oxford University Press, 2011), Chap. 3, "Socialism and Civil War," Part III: Stalinism.

13.

Westad, *The Global Cold War*, 10, 30.

14.

Elizabeth Brainerd, "Uncounted Costs of World War II: The Effects of Changing Sex Ratios on Marriage and Fertility of Russian Women," 1–3. National Council for Eurasian and East European Research, www.ucis.pitt.edu/nceer/2007_820-4g_Brainerd1.pdf.

15.

Луизианская покупка (1803), уступка территорий Мексикой (1848) и аннексия Техаса (1845), а также приобретение Флориды (1819) являлись следствием войны или угрозы войной. В кн. *The Global Cold War* Вестад называет то, что позже подавалось как «предначертание Господне», «весьма конкретная империалистическая программа». См. рассмотрение этой темы на первых страницах главы 1.

16.

Westad, *The Global Cold War*, 15.

17.

Термин впервые предложен в статье: Alfred Sauvy, "Trois Mondes, Une Planète," *L'Observateur* no. 118, August 14, 1952. Цитируется и рассматривается в кн.: Vijay Prashad, *The Darker Nations: A People's History of the Third World* (New York: New Press, 2007), 6–11.

18.

В развивающихся странах – 68 %. См.: "Urbanization: Facts and Figures," United Nations Centre for Human Settlements, 2001.

19.

Westad, *The Global Cold War*, 83. Рассмотрение вопроса о том, являлись ли действия Вильсона в Версале непосредственной причиной занятия Хо Ши Мином этого поста, см.: Brett Reilly, "The Myth of the Wilsonian Moment," Woodrow Wilson Center, www.wilsoncenter.org/blog-post/the-myth-the-wilsonian-moment. Какими бы ни были причины, сразу же по окончании конференции он начал рассуждать о «большевизме в Азии» и призывать французских социалистов вступить в Третий интернационал.

20.

"Declaration of Independence," Socialist Republic of Vietnam Government Portal, www.chinhphu.vn/portal/page/portal/English/TheSocialistRepublicOfVietnam/AboutVietnam/.

21.

Eric Hobsbawm, *The Age of Extremes* (London: Penguin, 1994), 235. Хобсбаум говорит, что «американизм» можно «на практике определить как полюс, противоположный коммунизму».

22.

Westad, *The Global Cold War*, 20–21.

23.

В 1945 г. на парламентских выборах во Франции Коммунистическая партия Франции заняла первое место. В 1946 г. на всеобщих выборах в Италии коммунисты и социалисты в сумме набрали больше голосов, чем Христианско-демократическая партия. Под руководством Пьетро Ненни Социалистическая партия Италии находилась в тесной коалиции с Коммунистической партией Италии. См.: Alessandro Brogi, *Confronting America: The Cold War between the United States and the Communists in France and Italy* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2011), 95–102.

24.

Odd Arne Westad, *The Cold War: A World History* (New York: Basic Books, 2017), 92–95.

25.

Ellen Schrecker, *The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents* (Boston: Bedford/St Martin's, 2002), 27

26.

Сталин назвал восстание в Греции «глупым», поскольку британцы и американцы ни за что не потерпели бы «красную» Грецию. Vladislav Zubok and Constantine Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev* (Cambridge: Harvard University Press, 1996), 56–57.

27.

Тито писал Сталину: «Сталин, хватит посылать убийц, чтобы покончить со мной. Мы уже поймали пятерых, одного с бомбой, другого с винтовкой. ...Если это не прекратится, я отправлю одного человека в Москву, и нужды посылать второго не возникнет». Zhores A. Medvedev and Roy A. Medvedev, *The Unknown Stalin* (London: Tauris, 2003), 61–62.

28.

О целях и позиции Сталина в то время см.: Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, 28–50; о его «удивлении и тревоге» из-за конфронтации с Западом см. там же, 75, а также Bert Cochran, *The War System* (New York: Macmillan, 1965), 42–43.

29.

Brogi, *Confronting America*, 112–13. Как левые, так и правые во Франции и в Италии находились в оппозиции американской «продуктивистской», основанной на массовом потреблении модели капитализма, которую продвигал Вашингтон.

30.

A. James McAdams, *Vanguard of the Revolution: The Global Idea of the Communist Party* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017), Chaps. 1–6.

31.

О непростом альянсе см.: Patricia Stranahan, *Underground: The Shanghai Communist Party and the Politics of Survival 1927–1937* (Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1998), 7–11; более общий обзор см. также в кн.: Rebecca E. Karl, *Mao Zedong and China in the Twentieth Century World* (Durham, NC: Duke University Press, 2010), 24–25.

32.

Ruth McVey, *The Rise of Indonesian Communism* (Ithaca: Cornell Press, 1965; reprinted in Jakarta by Equinox, 2006), 76–81.

33.

Karl, *Mao Zedong and China*, 25–33.

34.

Там же, 71.

35.

Об отношении США к высылкам в Италии и Франции см.: Brogi, *Confronting America*, 82–87.

36.

Там же, 96; William Blum, *Killing Hope: U. S. Military and CIA Interventions since World War II* (Monroe, ME: Common Courage Press, 2004), chap. 2.

37.

Обзор высказываний Тольятти за 1947 г. см. в: Brogi, *Confronting America*, 1. О фултонской речи («Мускулы мира»), популяризовавшей уже существовавший термин, см.: Winston Churchill, "The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech')," March 5, 1946, International Churchill Society, at winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/.

38.

Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, 53.

39.

Karl, *Mao Zedong and China*, 77.

40.

См.: Schrecker and Deery, *The Age of McCarthyism*.

41.

Schrecker, *The Age of McCarthyism*, 28.

42.

J. Edgar Hoover, Testimony before HUAC, March 26, 1947, printed in Schrecker, *The Age of McCarthyism*, 127–33.

43.

Westad, *The Cold War*, 120; Schrecker, *The Age of McCarthyism*, 101; Owen Lattimore, "Far East Scholar Accused by McCarthy, Dies at 88," *New York Times*, June 1, 1989.

44.

Rodrigo Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra o Perigo Vermelho: O anticomunismo no Brasil 1917–1964* (São Paulo: Editora Perspectiva, 2002), 2.

45.

Обзор Маджунского мятежа, особенно в контексте политики Советского Союза и событий в Югославии, см.: Ruth McVey, *The Soviet View of the Indonesian Revolution: A Study in the Russian Attitude towards Asian Nationalism* (Singapore: Equinox, 1959), 63–87.

46.

Westad, *The Global Cold War*, 119.

47.

Robert Dallek, *An Unfinished Life: John F. Kennedy 1917–1963* (New York: Little Brown, 2003), 175.

48.

Там же, 130.

49.

Там же, 132.

50.

David M. Oshinsky, *A Conspiracy So Immense* (Oxford: Oxford University Press, 2005), 33, 490.

51.

Dallek, *An Unfinished Life*, 165.

52.

Бумаги Джона Кеннеди: Pre-Presidential Papers, House of Representative Files, Speeches, 1947–1952, Boston Office Speech Files, 1946–1952, Trip to Middle and Far East, November 14, 1951, JFKREP-0095–037, John F. Kennedy Presidential Library and Museum; Dallek, *An Unfinished Life*, 165–66. Впечатления Кеннеди о Джакарте в ходе этой поездки собраны в отдельную папку, посвященную поездке. См.: *Papers of John F. Kennedy: Personal Papers*, Boston Office, 1940–1956: Political Miscellany, 1945–1956, Asian trip, 1951.

53.

Там же.

54.

Shashi Tharoor, "In Winston Churchill, Hollywood Rewards a Mass Murderer," Washington Post, March 10, 2018, www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/03/10/in-winston-churchill-hollywood-rewards-a-mass-murderer/?utm_term=.a162f746f9ab. См. также: Shashi Tharoor, "The Ugly Briton," Time, November 29, 2010, <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2031992,00.html>.

55.

Этот случай описан в кн.: Arthur M. Schlesinger, Jr., Robert Kennedy and His Times (London: Andre Deutsch, 1978), 91.

56.

Свидетельства членов семьи почерпнуты из интервью, взятых автором у Фрэнка Виснера – младшего в 2018 и 2019 гг. О Виснере в Румынии см.: Tim Weiner, *Legacy of Ashes: The History of the CIA* (New York: Doubleday, 2007), 11–12; Evan Thomas, *The Very Best Men: Four Who Dared: The Early Years of the CIA* (New York: Simon & Schuster, 2006), 19–22; George Cristian Maior, *America's First Spy: The Tragic Heroism of Frank Wisner* (London, Washington DC: Academia Press, 2018), chaps. 1–12.

57.

Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера – младшего в 2018 г.

58.

Maior, *America's First Spy*, 190–91.

59.

Детали ранних лет жизни Виснера см. в первой главе кн.: Thomas, *The Very Best Men* и в главах 1–8 кн.: Maior, *America's First Spy*.

60.

Беверли Боуи, дислоцированный в Румынии в тот же период времени, позднее вывел Виснера в романе «Операция "Дурдом"» (*Operation Bughouse*) в образе одержимого оперативника, обосновавшегося в публичном доме и немедленно попытавшегося объявить войну Советскому Союзу. См.: *Operation Bughouse* (New York: Dodd, Mead, 1947).

61.

Weiner, *Legacy of Ashes*, 18.

62.

Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера – младшего в 2018 г.

63.

История о немецких солдатах описана в биографическом очерке в бумагах Говарда Палффри Джонса: Howard Palfrey Jones Papers, Box 51, Biographical Materials, Hoover Institution Library and Archives.

64.

"'Soft-Sell' Envoy; U. S. Accused of Meddling," New York Times, April 5, 1962; Howard Palfrey Jones Papers, Biographic Sketch of Ambassador Howard Palfrey Jones, Box 51, Biographical Materials, Hoover Institution Library and Archives, Stanford University.

65.

Воспоминания раннего детства: Howard Palfrey Jones Papers, Box 51, Biographical Materials, Hoover Institution Library and Archives.

66.

Howard Palfrey Jones, "The Life of an American Diplomat," in Marcy Babbitt, Living Christian Science: Fourteen Lives (Prentice Hall, 1975), 34–35.

67.

Об отношении Виснера к валюте см.: Maior, America's First Spy, 179; взгляд Сталина на события в Берлине в 1947–1949 гг. см.: Zubok and Pleshakov, Inside the Kremlin's Cold War, 50–53. О важной роли новой валюты в разделении Германии см.: Westad, The Cold War, 111–16.

68.

Kyle Burke, Revolutionaries for the Right (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2018), 14.

69.

Burton Hersh, The Old Boys, 159. Цит. в: Thomas, The Very Best Men, 23.

70.

Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера – младшего в 2018 г.

71.

Thomas, The Very Best Men, 207.

72.

Там же, 91.

73.

Weiner, Legacy of Ashes, 33.

74.

Thomas, The Very Best Men, 25–36.

75.

Там же, 111.

76.

История Франциски изложена на основе интервью, взятых у нее автором с 2018 по 2020 гг. в Амстердаме и по телефону.

77.

Anthony Reid, A History of Southeast Asia (Oxford: Wiley Blackwell, 2015), 70–73.